

## **Об одном явлении исторического масштаба..., или Путешествие Дер Нистера из Москвы в Биробиджан**

Недавно одна из центральных израильских газет на иврите «Магор Ришон» («Первоисточник») опубликовала статью из истории Биробиджана, которая вызвала живую дискуссию вокруг мотивов еврейского переселения на советский Дальний Восток. Мы предлагаем нашим читателям перевод этой статьи на русский язык, выполненный автором с небольшими изменениями специально для «БЗ»

### **Винница-Москва-Биробиджан**

9 июня 1947 года в Москву прибыл эшелон с еврейскими переселенцами «Винница-Биробиджан». На перроне переселенцев встречали руководители Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) при Совинформбюро во главе с Соломоном Михоэлсом, деятели культуры, литераторы и журналисты. Среди публики был и писатель Пинхас Каганович, широко известный в еврейских литературных кругах в СССР и за рубежом под мистическим псевдонимом Дер Нистер, «Сокрытый». В отличие от большинства своих коллег он не распрощался с будущими строителями «еврейской советской государственности», а устроился с вещами в одном из вагонов. В том же поезде ехал с семьей и поэт-фронтовик Иосиф Керлер, решивший поселиться в Биробиджане.

Этот поезд, состоявший из 45 вагонов на без малого тысячу пассажиров, из них треть дети-сироты, был вторым по счету еврейским переселенческим эшелонном, сформированным в измученной нацистами и их пособниками Виннице. За ним будет и третий, а потом еще девять подобных поездов, которые потянутся в 1947-48 гг. в Биробиджан с Украины, из тогда еще российского Крыма, а также из узбекского Самарканда. В последнем, самаркандском – моя полугодовалая мама с родителями и бабушкой. Формирование таких эшелонов стало результатом принятого в начале 1946 г. решения центральных властей о возобновлении массового еврейского переселения в Еврейскую автономную область, прекращенного во время войны из-за близости к оккупированной японцами Маньчжурии.

Эта поездка с трудом вписывается в образ жизни Дер Нистера. В годы революции и Гражданской войны он был одним из активистов «киевской группы» идишских писателей-модернистов, однако с приходом в Киев советской власти предпочел эмигрировать в Германию. В 1926 г. он вернулся в СССР, но старался держаться подальше от советской общественной жизни. В отличие от своих знаменитых друзей и коллег Переца Маркиша, Давида Гофштейна, Изи Харика, Ицика Фефера, Давида Бергельсона и других он никогда не принимал никакого участия в биробиджанской «агитации». И вдруг летом 1947-го серьезно больной и глубоко подавленный после смерти дочери в блокадном Ленинграде 63-летний Дер Нистер неожиданно для окружающих предпринял поездку в Биробиджан – совершенно самостоятельно, хотя и заручившись рекомендацией ЕАК. Причем поехал он именно переселенческим эшелонном, который двигался почти в два раза медленнее обычного пассажирского поезда.

После 19-ти дней пути переселенцев приняли на биробиджанском вокзале по тогдашнему обычаю праздничным многочасовым митингом. Множество жителей были специально

отпущены для этого с рабочих мест, а школьников еще заранее отправили собирать цветы, которыми они и забросали приехавших под трогательные еврейские мелодии в исполнении городского оркестра. Самого Дер Нистера биробиджанские литераторы отправились встречать в Облучье у границ автономии. Местные власти позаботились об удобном номере для писателя в гостинице «Биробиджан» и даже прикрепили к нему повариху, которая готовила блюда с учетом молочной диеты, которую он соблюдал. Первый секретарь обкома Александр Бахмутский, далекий от еврейской культуры, но осознававший ее ключевую роль для дальнейшего существования автономии, немедленно принял его у себя в кабинете. Бахмутский выразил солидарность со всеми инициативами Дер Нистера, вызванными в первую очередь заботой о нуждах новых переселенцев («Если бы вы хотя бы наполовину относились к ним так, как ко мне!»), однако выходящими далеко за насущные бытовые проблемы. Дер Нистер просил, среди прочего, оказать усиленную поддержку школам с преподаванием на идише, открыть еврейское книжное издательство, увеличить формат газеты «Биробиджанер штерн».

Теплый прием в Биробиджане буквально вскружил голову писателю. «Кажется, на протяжении всей своей жизни в СССР Дер Нистер не удостоился такого почитания...» - писал в своих воспоминаниях поэт из Польши Израиль Эмиот, осевший в Биробиджане в 1944 г. После встречи с Бахмутским Дер Нистер заперся в гостиничном номере, попросил не переводить к нему телефонные звонки и приступил к написанию своих путевых заметок «С переселенцами в Биро-Биджан». Серия очерков под таким названием была немедленно опубликована как в Биробиджане, так и в московской и нью-йоркской прессе на идише. До современного читателя они дошли благодаря посмертному собранию рассказов и эссе Дер Нистера, выпущенному в Нью-Йорке в 1957 г. С пафосом, используя библейские формулы, он писал о возобновлении еврейского переселения в Биробиджан как о явлении исторического масштаба. Одной из центральных метафор этого явления стала свадьба в эшелоне:

«Да, бедно, но весело: два клезмера, один «служитель культа», без кольца и с водкой вместо вина, но – люди плачут и танцуют на свадьбе дочери и сына нашего чуть было не уничтоженного народа, сына и дочери этой всегда жизнелюбивой, всегда выходящей из всех огней и несчастий нации... Лехаим!.. Да отстроится Дом Израиля, во имя детей и их потомков!»

### **Увлечение хасидизмом**

Эмиот, который в свое время познакомился с Дер Нистером в Москве, в те дни был частым гостем у него в гостинице, а иногда и присоединялся к ежеутреннему променаду писателя до Биры и обратно. О чем они говорили? О задержке публикации в московском издательстве «Эмес» продолжения монументального романа Дер Нистера «Семья Машбер» о семье браславских хасидов, о его радости в связи с переводом этого романа на иврит, о литературе, философии, истории. Из библиотеки имени Шолом-Алейхема, в которой в те дни можно было найти редчайшие издания, недоступные в других советских библиотеках, Эмиот с гордостью принес Дер Нистеру в немецком оригинале «Историю евреев» Генриха Грецца, исследования основателя научного изучения иудаизма Леопольда Цунца и хасидские изыскания философа-экзистенциалиста Мартина Бубера. Из воспоминаний Эмиота складывается впечатление, что именно хасидизм, особое философско-религиозное течение в иудаизме, зародившееся в российской «черте оседлости» в XVIII веке, стал центральной темой их разговоров, что в определенной мере объясняет тогдашнее почти экстатическое воодушевление Дер Нистера.

По свидетельству Эмиота, Дер Нистер на память цитировал знаменитого рабби Нахмана, основателя браславского направления в хасидизме. Вспомнил он и довольно известную притчу о рабби Якове-Ицхаке, основателе хасидского «двора» в польском местечке Пшисуха. У богобоязненного р. Якова-Ицхака, прозванного «Святым евреем», от страха перед Всевышним выпали все зубы, кроме одного. Р. Яков-Ицхак называл этот зуб нечестивцем. «Вот какие были наши великие праведники», – философствовал Дер Нистер в гостинице «Биробиджан» летом 1947 г., видимо, ободренный происхождением Эмиота, который со стороны матери вел свой род именно от «Святого еврея». Впрочем, упоминание последнего могло возникнуть и в связи с романом Бубера «Гог и Магог», где р. Яков-Ицхак фигурирует как один из центральных персонажей. В качестве члена ЕАК у Дер Нистера был доступ к зарубежным публикациям (Эмиоту он пожаловался на несправедливую критику «Семьи Машбер» в ивритской прессе), и он мог познакомиться с этим романом в тель-авивской газете «Давар» в середине 40-х гг.

Увлечение хасидскими праведниками во время пребывания Дер Нистера в Биробиджане выглядит весьма симптоматичным. «Они не игрались в идишкайт, в любой момент они были готовы пойти на заклание», – поверял он Эмиоту свои сокровенные мысли. «Мы, современные евреи, все время занимаемся симуляцией еврейства. Это стоит нам совсем недорого. Как нам не хватает «Человек да умрет в шатре»! В шатре Торы нужно уметь умирать, нужно уметь жертвовать собой!» Так Дер Нистер пытался объяснить своему собеседнику, опираясь на известный комментарий на эту библейскую фразу из «Книги Чисел» (19, 14), согласно которому «шатер» – это «сень Торы», что в Биробиджан его привели отнюдь не соображения карьерного или материального характера (от чего он был чрезвычайно далек), а поиск путей к исправлению мира после чудовищной Катастрофы.

Дер Нистер, «Сокрытый», в молодости увлекался браславским хасидизмом и написал целый ряд рассказов в стиле рабби Нахмана. По обычаю хасидских праведников «удаляться в изгнание», т.е. жить некоторое время на чужбине, скрывая свое имя, теперь он решил отправиться в своеобразное «изгнание» наоборот, раскрыв свое лицо и сердце. При внимательном прочтении в его биробиджанских очерках проявляются философско-религиозные категории «изгнания» души и «изгнания» божественного присутствия в мире. Прежний, довоенный мир был разрушен до основания, и прозаический переселенческий эшелон – как в действительности, так и в качестве литературного образа – превратился в очерках Дер Нистера в «своеобразный Ноев ковчег, не на воде, а на железной дороге, в результате не всемирного потопа, а колоссальной мировой войны, которая ничем не лучше потопа». К радости автора, эшелон оказался полон молодыми обладателями «давидовой стати», которых «не испугают никакие Голиафы». Главное, однако, то, что настоящее исправление мира может состояться только там, где произойдет «новое рождение». Вся эта риторика вкупе с личным стремлением Дер Нистера к самобичеванию после Катастрофы европейского еврейства и смерти дочери в блокадном Ленинграде превратила изматывающее путешествие по железной дороге в символический ритуал. Видимо, уже в Биробиджане первоначальное намерение писателя продемонстрировать своим бесплодно «игравшимся в идишкайт» коллегам «удаление в изгнание» трансформировалось в гораздо более обязывающую миссию: «вывести» соплеменников из состояния симуляции еврейской жизни в европейской части страны. Так душевный кризис вылился в добровольно взятую им на себя «мессианскую» роль.

*Продолжение в №38 «БЗ»*

*Бер (Борис) Котлерман*